степной зоне, где в это же время появляются катакомбные могильники и поселения, связываемые с аланской этнической общностью[87]. Характерно, что в этнониме «буртас» отражена этногенетическая связь аланского населения лесостепной зоны бассейна Среднего Дона с аланской (асской) общностью Северного Кавказа.

---

[87] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 62—74.

В. Г. Стельмах

ХОЗЯЙСТВО ИНДЕЙЦЕВ США НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ

Выбор данной темы не случаен: многие социокультурные проблемы индейцев США связаны с длительной обособленностью и однобоким развитием их хозяйства. Между тем эволюция хозяйственных занятий индейцев в условиях капитализма изучена недостаточно. Американские исследователи обычно рассматривают архаические формы хозяйства и их пережитки у аборигенного населения, лишь констатируя факт интеграции его в экономику страны[1]. Исключением является Л. Карлсон, в работе которого предпринята попытка изучения влияния закона Дауэса (1887 г.) на развитие сельского хозяйства в индейских резервациях[2].

Хотя советские этнографы неоднократно затрагивали различные стороны адаптации хозяйства этнических меньшинств к окружающим условиям в связи с исследованием проблем социального строя аборигенов США[3], специально этот вопрос не изучался.

Задача настоящей статьи — рассмотреть развитие хозяйства индейцев на рубеже XIX—XX вв., в период интенсивного экономического освоения западных областей США, ускорившего процесс вовлечения обособленного в целом хозяйства индейских общин в экономическую жизнь страны.

Условия жизни, демографические тенденции, общие черты хозяйственного развития индейских племен

К 90-м гг. XIX в. индейское население США, по данным 11-й переписи, насчитывало 248,2 тыс. человек. В результате систематического вытеснения с исконных этнических территорий, проводившегося федеральным правительством с 30-х гг. прошлого века, 78% индейцев проживало в восьми штатах: Оклахома, Аризона, Нью-Мексико, Южная Дакота, Калифорния, Вашингтон, Монтана и Висконсин, которые, исключая последний, расположены к западу от Миссисипи. У индейских племен оставалось около 121,0 млн. акров земли, из которых 104,3 млн. были распределены между 162 резервациями, а остальные принадлежали главным образом пяти «цивилизованным племенам» Оклахомы (чироки, чокто, чикасо, крики и семинолы) и не имели статуса резерваций. 171,5 тыс. индейцев (76%) считались трудоспособными (такими по офи-

---

[1] *Castetter E.* Yuman Indian Agriculture. Albuquerque, 1951; *Hill W.* Navajo Pottery Manufacture. Albuquerque, 1937; Acculturation in Seven American Indian Tribes/Ed. *Linton R.* Gloucester, 1963; *Wissler C.* Indians of the U. S. N. Y. 1940; *Spicer E.* Cycles of Conquest. The Impact of Spain, Mexico and U. S. on Indians of the Southwest. Tucson, 1962; *Washburn W.* The Indian in America. N. Y., 1975.

[2] *Carlson L.* Indians, Bureaucrats and Land. Westport, 1981.

[3] См., например: *Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVII—XIX вв. М.: Наука, 1975.

циальным критериям того времени признавались лица, достигшие десятилетнего возраста)[4].

Как показали исследования американских этнографов, социальные отношения индейцев США соответствовали стадии разложения родовой общины. Формально по-прежнему существовала общественная собственность на землю, функционировали племенные органы власти, а в бытовой сфере соблюдались многочисленные родовые нормы. В действительности же процесс разложения рода зашел достаточно далеко. Так, у племен пьюлэлап (штат Вашингтон) и шошонов (Невада) установилась индивидуальная собственность на жилища, предметы обихода, орудия производства и на деньги, заработанные личным трудом вне резерваций. У южных юта (Колорадо), оглала-сиу и сэнти-сиу (Южная Дакота) за отдельными семьями бессрочно закреплялись обрабатываемые земельные участки. А «цивилизованные племена» Оклахомы даже создали свою систему органов власти наподобие федеральной (законодательные функции были переданы выбираемым на 2—3-годичный срок племенным ассамблеям, исполнительные — «губернаторам» соответствующего племени) и приняли законы, официально закреплявшие за отдельными членами племени огромные, порой до 1000 акров (1 акр = = 4 тыс·м²), участки племенных земель[5].

Что же представляло собой хозяйство индейских племен на рубеже XIX—XX вв.? По мнению американских ученых, оно было «полностью аккультурированным». Под термином «экономическая аккультурация» Э. Кастеттер, Р. Линтон, Д. Харрис, М. Оплер, М. Смит понимали главным образом «заимствования... нового сельскохозяйственного инвентаря (плугов, кос), в отдельных случаях — новых культур (пшеницы)», которые «происходили в ходе более или менее регулярных контактов индейского и белого населения при индустриальном освоении Запада». Процесс трансформации хозяйства был, по их мнению, повседневным, относительно быстрым и привел к определенной стандартизации хозяйственных занятий индейских племен, находившихся до установления контакта с белыми на разном уровне экономического развития и имевших различные хозяйственные модели[6]. Безусловно, при таком узком подходе процесс адаптации хозяйства коренного населения к условиям капитализма США можно считать завершенным к 80-м гг. прошлого века, т. е. к моменту окончательного переселения аборигенов в резервации. Однако это не совсем точно. Остановимся более подробно на общих тенденциях развития хозяйственных занятий индейских племен в конце XIX в.

Прежде всего необходимо уяснить, что представляли собой земли индейцев. Судя по всем источникам, включая официальные отчеты Индиэн оффис, в целом они были плохими. Член Ассоциации защиты прав индейцев Д. Харрисон, изучавший в 1885 г. условия их жизни в резервациях штатов Монтана, Небраска, Южная Дакота, Орегон и Вашингтон, писал, что в большинстве мест земли были засушливыми, нередко с непригодными для хозяйства солончаками; пересеченный рельеф местности и овраги препятствовали развитию животноводства. Харрисон пришел к выводу, что в этих резервациях количество годных и негодных для сельского хозяйства земель выражалось соотношением 1 : 7[7]. Лишь у

---

[4] 11 Census of the U. S. 1890. Wash., 1895, v. 6, pt 1, p. CC, 965; Annual Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior (далее — ARCIA) 1887—1917. Wash., 1887—1918; Ibid., 1890, p. 38, 448; 13 Census of the U. S. 1910. Indian Population in the U. S. and Alaska in 1910. Wash., 1915, p. 250; Annual Report of the Commission to the Five Civilized Tribes. 1900. Wash., 1900, p. 83, 153.

[5] *Harrison J.* The Latest Studies on Indian Reservations. Philadelphia, 1887, p. 164, 165; Documents of U. S. Indian Policy. Lincoln, 1975, p. 194. Подробнее о социальных отношениях у индейцев в тот период см.: *Smith M.* Puylalup of Washington.— Acculturation..., p. 13—15; *Harris J.* White Knife Shoshoni of Nevada.— Ibid., p. 45—46, 54; *Opler M.* Southern Ute of Colorado.— Ibid., p. 7—79; *Joffe N.* The Fox of Iova.— Ibid., p. 124—125; *Carlson L.* Op. cit., p. 84, 89.

[6] *Castetter E.* Op. cit., p. 81; см. также: *Smith M.* Op. cit., p. 34; *Harris J.* Op. cit., p. 89.

[7] ARCIA. 1898, p. 112, 129, 183; *Harrison J.* Op. cit., p. 18, 39, 45, etc.

«цивилизованных племен» Оклахомы были плодородные земли[8]. Переселению индейцев в малопригодные для хозяйства резервации сопутствовал упадок традиционных источников существования: охоты, рыболовства, собирательства. Как заметил американский этнограф Х. Элкин, жизнеобеспечение в новых условиях неизбежно приводило к созданию идентичных хозяйственных форм у различных индейских племен[9].

Главной отраслью хозяйства индейцев было земледелие. Согласно официальным данным, в нем было занято 27,2 тыс. семей, обрабатывающих в совокупности 288,6 тыс. акров земли[10]. Ряд факторов свидетельствовал об определенной адаптации земледелия к капиталистической экономике США. Повсеместно индейское население выращивало те же культуры, что и его белые соседи: пшеницу, кукурузу, ячмень, овес, зернобобовые, картофель, овощи, тыквы, арбузы. В некоторых резервациях, например Флэтхэд (Монтана), Сайлитц (Орегон), Сенека (Нью-Йорк), Виннебаго (Небраска), а также на землях «цивилизованных племен», индейские поселки представляли ухоженные фермы площадью от 40 до 160 акров; в период полевых работ их владельцы использовали механические косилки, сеялки, молотилки. Уполномоченный по делам индейцев Д. Оберли писал, что «между их хозяйством и американским (хозяйством белых.— *В. С.*) было в общем-то мало различий»[11]. Но приведенные примеры являлись исключением. Харрисон считал, что в целом сельское хозяйство резерваций «с большим трудом приспосабливалось к новым условиям: неблагоприятный климат, нехватка инвентаря, семян и отсутствие в ряде мест знаний приемов земледелия — все это обрекло индейцев на нищенское, полуголодное существование». В результате резервации индейцев кроу и блэкфит (Монтана), сэнти и омаха (Небраска), шошонов (Вайоминг), оглала (Южная Дакота) постоянно находились под угрозой голода. По данным Индиэн оффис на 1890 г., продукция земледелия, составлявшая 881,4 тыс. бушелей пшеницы (1 бушель=35,2 л), 1139,2 тыс.— кукурузы, 545,0 тыс.— ячменя и овса, 482,5 тыс.— овощей «давала лишь $^1/_3$ продовольствия, необходимого для пропитания людей, не говоря уже о создании семенного фонда»[12].

Аналогичным образом развивалось и животноводство. Индейцы владели, о чем будет сказано ниже, сравнительно большим поголовьем скота (только лошадей в 1890 г. у них было 433 тыс.), однако продукции скотоводства «с трудом хватало на домашнее потребление»[13].

Занятие сельским хозяйством не обеспечивало населения резерваций, что вынуждало его искать другие источники дохода. К 90-м годам прошлого столетия относятся отдельные попытки использовать, где это было возможно, лесные ресурсы индейских земель. Чиппевы и меномины (Висконсин), омаха продавали окрестному белому населению дрова. Однако это занятие, безусловно, ставшее подспорьем в хозяйстве, не могло быть основой существования даже в богатых лесом резервациях в силу дешевизны продукции: 1 корд (3,6 куб. м) спиленных дров стоил от 2 до 4 долл.[14]. Что касается труда вне резервации, то индейцам удавалось подработать лишь на перевозке различных грузов в своей округе. Но поскольку перевозка груза весом 1 тыс. фунтов (1 фунт=453,6 г) стоила 10 центов, общий доход от нее в 1890 г. составил всего 94,3 тыс. долл. и, как отмечали документы Индиэн оффис, эти деньги шли «не столько на покупку семян, сельхозинвентаря и устройство жилищ, сколько на ремонт телег и корм лошадям». В целом за работу вне сельского хозяйства индейцы получили в 1890 г. только 1,6 млн. долл.[15] (около 7 долл. на человека в год).

---

[8] Documents of U. S. Indian Policy, p. 190.
[9] *Elkin H.* Nothern Arapaho of Wyoming.— In: Acculturation..., p. 256.
[10] ARCIA. 1887, p. X; 1890, p. 480.
[11] ARCIA. 1887, p. XII, LXXXIX; см. также: 1890, p. 122, 136, 176; *Harrison J.* Op. cit., p. 9—25, 35, 55, 98.
[12] *Harrison J.* Op. cit., p. 11—15; ARCIA. 1890, p. 3, 28, 115, 480.
[13] ARCIA. 1890, p. 26, 34, 114.
[14] *Harrison J.* Op. cit., p. 59, 98.
[15] ARCIA. 1890, p. 51, 150, 480.

Следует отметить, что федеральное правительство оказывало индейскому населению определенную помощь в виде продовольственных поставок и денежных дотаций, которые оно обязалось выплачивать при переселении какого-либо племени из исконного этнического региона в резервацию. Величина этой помощи была довольно незначительной — в среднем 3,8—4 млн. долл. в год, что не мешает ряду американских ученых (в частности, У. Даннингу и К. Уисслеру) преувеличивать ее роль в хозяйстве индейцев. Справедливой представляется точка зрения Р. Линтона, отметившего, что федеральные поставки, не решая проблемы жизнеобеспечения, усиливали зависимость коренного населения от правительства США[16]. Давая общую оценку развития хозяйства индейцев, уполномоченный Д. Оберли писал: «... Хотя они в силу необходимости и начали изменять свое хозяйство..., им было трудно войти в американскую систему земельных и хозяйственных связей»[17].

Таким образом, вряд ли можно говорить о «полной экономической аккультурации» хозяйства аборигенов к концу прошлого века. Несмотря на чисто внешнее сходство с фермерским, оно по-прежнему было замкнутым, застойным, малопроизводительным. Но нельзя не заметить и новых его черт, проявлявшихся в возраставшей зависимости от капиталистической экономики и в появлении идентичных для всего индейского населения хозяйственных занятий в резервациях. Какое направление могло принять дальнейшее развитие хозяйства индейцев, какое место в общественной структуре США было уготовано им самим, зависело от общих тенденций экономического развития государства и политики правящих кругов.

Бурное развитие производительных сил США на рубеже XIX и XX столетий, происходившее в условиях, «наиболее благоприятных... из всех возможных при капитализме»[18], оказало серьезное воздействие на хозяйственную и социальную жизнь индейского населения, так как экономическая колонизация вплотную подошла к новым местам проживания аборигенов или к близлежащим к ним районам. В этих условиях природные ресурсы новых индейских земель в очередной раз «привлекли пристальное внимание предприимчивых белых граждан», вновь потребовавших от федерального правительства разрешения индейского вопроса[19]. Учитывая заинтересованность различных групп промышленной буржуазии и фермерства в освоении этих земель, Конгресс принял закон Дауэса (1887 г.), закон Куртиса (1898 г.), закон Берка (1906 г.) и закон Лейси (1907 г.)[20]. Главной целью этого законодательства, по мнению американских исследователей, было «открытие» индейских территорий для освоения их белым населением путем отмены общественного владения землей и раздела ее на индивидуальные участки — аллоты (не более 160 акров на одну индейскую семью) с последующей распродажей оставшихся земель всем желающим[21].

Однако новую индейскую политику не следует сводить исключительно к проблеме очередного этапа захвата земель, принадлежащих коренному населению. По мнению ее инициаторов, она должна была «окончательно и навсегда упразднить индейский вопрос посредством скорейшего инкорпорирования аборигенов в систему экономических и социальных связей американской цивилизации», превратив индейское хозяйство в фермерское[22]. Для этого предполагалось, во-первых, максимально сократить федеральные поставки индейским племенам, чтобы «они

---

[16] *Dunning W.* Social and Economic Change among North. Ojibwa. Toronto, 1959, p. 40—47; *Wissler C.* Op. cit., p. 284; *Linton R.* Editor's Summary.— In: Acculturation..., p. 118.

[17] ARCIA. 1887, p. VIII, LXXXIX.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 150.

[19] Documents of U. S. Indian Policy, p. 190.

[20] Тексты законов см.: U. S. Statutes at Large. V. 24—34. Wash., 1887—1908; v. 24, p. 338; v. 26, p. 795; v. 30, p. 497; v. 34, p. 182, 1221.

[21] *Spicer E.* Op. cit., p. 347; *Wissler C.* Op. cit., p. 288; *Talbot S.* Roots of Opression: American Indian Question. N. Y., 1981, p. 110—114; *Carlson L.* Op. cit., p. 79—83.

[22] ARCIA. 1906, p. 24.

наконец поняли, пусть даже через испытание голодом, что для нормального существования необходимо самим зарабатывать деньги». Во-вторых, закон Дауэса (ст. 5) и закон Куртиса (ст. 37) требовали в качестве условия перехода аллота в полную собственность своего владельца «ведения на нем цивилизованного (фермерского.— *В. С.*) хозяйства». То, что, невзирая на длительный период контактов, хозяйство индейских общин было не готово к столь быстрой интеграции в рыночную экономику, не смущало правящие круги. «Кто из них при этом утонет, а кто нет — их дело. Новая политика способствует выживанию наиболее достойных и предприимчивых... Остальные смогут обеспечить себя, найдя работу на окрестных ранчо, на строительстве и т. п.... Главное, уразумев, что лишь труд в поте лица может дать средства к существованию, они смогут в перспективе стать неотъемлемой частью нашего общества не как американские индейцы, а как американцы»,— заявляли официальные лица[23]. Таким образом, объективные тенденции развития американского капитализма в конце XIX в. и политика правительства способствовали установлению более тесных связей замкнутого в целом хозяйства индейских общин с рыночной экономикой США.

Сельское хозяйство

Новые условия затронули в первую очередь сельское хозяйство индейцев. Угодья, оставшиеся во владении племен, стали сокращаться: если в 1890 г. они составляли 104,3 млн. акров, то в 1913 г. лишь 72,1 млн. акров. Поскольку этому сопутствовал некоторый прирост численности индейского населения (в 1890 г. оно составляло 248,2 тыс. чел., а в 1910 г.— 265,6 тыс.)[24], во многих резервациях возникла сложная ситуация: общая площадь принадлежащих индейцам земель не позволяла выделить каждой семье аллот в 160 акров, гарантированный ст. 1 закона Дауэса.

Хотя по оценкам того времени для пропитания средней по размеру семьи требовался земельный участок минимум в 20 акров, индейцам часто доставались аллоты в 15 акров (апачи и пима, Аризона), 11 акров (восточные чироки, Северная Каролина), а иногда и четыре акра (пайюты, Невада). Даже официальные лица были вынуждены признать, что на таких участках невозможно создать ферму с правильным севооборотом[25]. Более того, действуя в духе новых веяний в индейском вопросе, Индиэн оффис перестал снабжать индейские резервации сельскохозяйственным инвентарем. В донесениях агентов различных штатов звучали жалобы на нехватку самых необходимых орудий: плугов, сеялок, молотилок. В одной из резерваций Нью-Мексико индейцы были вынуждены вспахивать землю самодельным плугом с лемехом из рогов, сделанным по архаическим образцам. Обычно, вместо инвентаря, индейцы, по свидетельству вождя шошонов У-ши-ки, получали совет «сажать вместо злаковых картофель, выращивание которого не требует плугов и другой техники»[26].

Все эти обстоятельства в сочетании с плохими природными условиями стали, по мнению Э. Спайсера, основной причиной регресса сельского хозяйства резерваций даже в тех районах, где ранее оно было на высоком уровне[27]. Ассортимент культур не менялся на протяжении десятилетий. Попытки нововведений, как правило, не имели успеха. Например, желание восточных чироков выращивать в своей резервации рентабельный хлопчатник, «несмотря на их трудолюбие, не смогло осуществить-

---

[23] Board of Indian Commissioners (далее — BIC). Ann. Report. 1901. Wash., 1901, p. 335—340; Congressional Record. 49 Congr. 2 sess., v. 18, pt 1, p. 190; ARCIA. 1891, p. 252; 1901, p. 4—5; 1905, p. 7; 1911, p. 3.

[24] Indian Population in 1910, p. 10; ARCIA. 1890, p. 448; 1913, p. 93.

[25] ARCIA. 1898, p. 218; 1906, p. 224—229; 1913, p. 8; Congressional Record. 49 Congr., 2 Sess., v. 18, pt 1, p. 224.

[26] ARCIA. 1906, p. 209, 217, 264; I Have Spoken. American History through the Voices of the Indians. N. Y., 1971, p. 149.

[27] *Spicer E.* Op. cit., p. 540—546.

Таблица 1

Производство сельскохозяйственных культур индейцами США*

Обрабатываемые земли (тыс. акров); сельскохозяйственные культуры (тыс. бушелей)	1893 г.	1902 г.	1913 г.
Земли	312	361	595
Пшеница	1727,0	913,2	1343,2
Кукуруза	1373,1	954,5	1525,3
Ячмень и овес	798,2	742,8	869,3
Овощи	541,4	444,5	25,2**

* ARCIA. 1893, p. 723; 1902, p. 667; 1913, p. 116, 121.
** В млн. фунтов.

ся. Гористый характер местности, эрозия почвы и ее размыв в период дождей по сути дела исключали посадку хлопка. Возможности улучшения качества земли у индейцев отсутствовали»,— сообщал агент резервации [28].

Стала сокращаться, несмотря на увеличение площади обрабатываемых земель, урожайность. Как явствует из табл. 1, урожаи основных культур в 1902 г. сократились по сравнению с 1893 г. в среднем в 1,3 раза, и лишь к 1913 г. приблизились к уровню двадцатилетней давности!

Такой объем продукции земледелия, отмечалось в документах Индиэн оффис, «не всегда позволял индейцам обеспечивать себя продуктами питания даже при том скромном образе жизни, который они вели». Что касается прибыли, то «большинство владельцев аллотов не могло о ней думать», поскольку производить товарную продукцию они не могли [29].

Все это в свою очередь обусловливало падение интереса индейских общин к земледелию, нежелание развивать эту отрасль хозяйства. «Деятельность в данной области стоит на самом низком уровне,— говорилось в отчете Коллегии уполномоченных по делам индейцев за 1916 г.— И причина этого — не патологическая лень индейцев, как хотели бы представить некоторые агенты, а глубокое их разочарование... Прошлое стало для них временем процветания, поэтому они мрачно смотрят в будущее» [30]. Можно согласиться с М. Смит, утверждавшей, что вопреки намерениям правительства земледелие не смогло стать основой хозяйства резерваций. Оно постепенно превращалось в подсобное занятие их жителей [31].

Животноводство в резервациях развивалось аналогичным образом. Зависящее в меньшей степени, чем земледелие, от качества земли, разведение скота представляло для индейского населения «бо́льший интерес и выгоду». Ответы индейских агентов из различных штатов свидетельствовали о «хорошем знании приемов скотоводства, правильном уходе за животными, селекционной работе по улучшению пород» (резервации Форт Холл в Айдахо; Кроу и Сайлитц в Орегоне; Стендинг Рок, Роузбад и Кроу Крик в Южной Дакоте). Для жителей этих, а также ряда других резерваций разведение скота стало не только источником питания, но и средством получения доходов, ибо «индейцы могли продавать часть скота на окрестных ярмарках» [32]. Однако позитивные тенденции в развитии этой отрасли сельского хозяйства зачастую перечеркивались упадком и застоем земледелия. Потребность в пищевых продуктах и дополнительных денежных средствах толкала население резерваций на убой не только товарного, но и племенного скота, поэтому общий прирост поголовья в рассматриваемый период был невелик: поголовье одних видов домашнего скота увеличивалось, других — сокращалось (см. табл. 2).

[28] ARCIA. 1898, p. 218; 1906, p. 225.
[29] Ibid., 1898, p. 45, 219; 1913, p. 110.
[30] BIC. Annual Report. 1916, Wash., 1916, p. 360—362.
[31] *Smith M.* Op. cit., p. 34.
[32] ARCIA. 1906, p. 251—253.

Таблица 2

Поголовье скота в индейских резервациях в 1890—1916 гг. (тыс. голов)*

Виды скота	1890	1896	1900	1902	1911	1913	1916
Крупный рогатый скот	170	254	253	288	269	228	276
Свиньи	87	41	50	38	16	33	н. д.
Мелкий рогатый скот	965	1294	967	945	1219	1770	1562
Лошади	443	373	343	344	195	431	267

ARCIA. 1890, p. 468; 1896, p. 551; 1900, p. 725; 1902, p. 667; 1911, p. 225; 1913, p. 227, 231; 1916, p. 178

Вследствие этого товарная продукция животноводства практически не увеличивалась с 1890 по 1916 г., общий ее объем в среднем составлял 1,5 млн. долл. (максимальный уровень в 1916 г.—2,5 млн. долл., минимальный в 1894 г.—0,8 млн. долл.) [33]. Иными словами, и эта отрасль хозяйства не могла обеспечить жизнь индейских общин.

Раздел индейских земель вызвал невиданное ранее и практически незнакомое их жителям явление — земельную аренду. Уполномоченный Р. Льюпп нарисовал типичную для тех лет картину. «Получив во владение аллот, индейская семья зачастую была не в состоянии обработать его своими силами: не хватало инвентаря, семян... И тут появлялись различного рода мошенники, предлагавшие владельцам сдать свой участок в аренду». А поскольку формально это запрещалось ст. 5 закона Дауэса, «аренда приобрела характер тайных сделок» и «стала раем для всяческого рода подозрительных лиц и земельных спекулянтов». Хотя большинство договоров о сдаче индейских земель в аренду скрывалось, Министерству внутренних дел удалось установить, что к 1913 г. индейцы сдали только для сельскохозяйственных целей (главным образом под пастбища) 10,78 млн. акров своих владений, плата за которые составляла около 900 тыс. долл. ежегодно [34].

Тайная аренда оказалась настоящим бедствием для резервационного хозяйства. Помимо прямого обмана [35] белые арендаторы настолько хищнически использовали землю, что, по свидетельству уполномоченного Р. Валлентайна, «приводили ее в полную негодность за какие-нибудь три-четыре года». По истечении арендного договора индейцам ничего не оставалось, как продать свой аллот за бесценок. За полтора десятилетия с начала XX в. было продано почти 890 тыс. акров индейских земель в среднем по 14,4 долл. за акр, тогда как рыночная цена акра земли такого качества составляла в тот период 25—35 долл.[36]. Неудивительно, что даже правящие круги США забили тревогу и потребовали решительного пресечения спекуляций индейскими землями, поскольку все это «на корню подрубало идею создания там фермерского хозяйства, обеспечивающего себя самостоятельно, без какой-либо федеральной помощи» [37]. В итоге курс правительства на создание в резервациях хозяйства фермерского типа, как отметил уполномоченный К. Селлз, оказался близким к провалу [38].

[33] Рассчитано нами по данным ежегодных отчетов управляющих с 1890 по 1916 гг.
[34] ARCIA. 1906, p. 3; 1913, p. 217.
[35] Индейцы отоу (Оклахома) сдали земельным спекулянтам под пастбища часть земель за 6—8 центов/акр, а затем эти участки были пересданы местным скотопромышленникам за 30—35 центов/акр (ARCIA. 1898, p. 246).
[36] ARCIA. 1906, p. 4, 5; 1917, p. 175.
[37] BIC. Annual Report. 1902, p. 797.
[38] ARCIA. 1913, p. 110.

Эволюция традиционных ремесел и попытки освоения индейцами естественных ресурсов своих территорий

Упадок сельского хозяйства резерваций толкал индейцев на поиски и развитие иных хозяйственных занятий, которые могли бы улучшить их благосостояние. На рубеже столетий у многих племен возник процесс, названный американскими этнографами возрождением первичных хозяйственных отраслей — охоты, рыболовства, трапперства, собирательства. Особенность его заключалась в том, что он происходил не только у тех племен, где присваивающее хозяйство было ранее основой жизнеобеспечения, но и у тех, в жизни которых оно имело второстепенное значение задолго до переселения в резервации (юма, марикопа, пима, арапахо и др.) [39]. К сожалению, документальные источники не позволяют проанализировать подробнее это интересное явление: официальные лица стремились преуменьшить роль традиционных занятий у индейцев, так как, по их мнению, это было рецидивом «дикости и варварства». Однако из фрагментарных упоминаний явствует, что так называемыми нецивилизованными занятиями жило от 7 до 11 тыс. чел. Продукция присваивающего хозяйства зачастую становилась важным источником питания; так было на протяжении ряда лет в резервации чиппевов Нетт Лейк (Висконсин). Индейцы мака, оузет, квильюты (Вашингтон) иногда продавали рыбу на рынках г. Сиэтла [40]. Впрочем, по-видимому «нецивилизованные» занятия в целом носили вспомогательный характер, не перерастая в ведущую отрасль хозяйства той или иной резервации.

В отличие от этих занятий традиционное индейское ремесло стало источником дохода. По свидетельству индейца виннебаго (А. Д.) продавать ремесленные изделия их заставила нужда. В одну из голодных зим его матери случилось продать в близлежащем поселке несколько корзин. Это привело к идее о возможности такого приработка и в дальнейшем [41]. Ремесло оказалось серьезным подспорьем для жителей многих резерваций. К 1913 г. 14,3 тыс. индейцев занимались изготовлением и продажей ремесленных изделий: 4 тыс. плели корзины, 3,1 тыс. изготовляли украшения и вышивки, 2,9 тыс. ткали из шерсти одеяла, 2,3 тыс. занимались гончарным делом, а остальные шили мокасины, кошельки, ремни, плели кружева. Доход от продажи изделий составлял 1,1—1,3 млн. долл. ежегодно. Если бы «Индиэн оффис взял индейские ремесла под опеку...,— писал уполномоченный Ф. Льюпп,— снабжая индейцев сырьем, контролируя продажу изделий по справедливым ценам», они могли бы стать эффективным источником самообеспечения индейского населения, который вдобавок сохранял традиции его материальной культуры и этническую самобытность [42]. Но этого не произошло. Как отмечают многие исследователи, ремесла индейцев, основанные на традиционной технике и использовании местных ресурсов той или иной резервации, были малопроизводительными. К тому же общественные нормы делали их, как правило, уделом женщин, которые, разумеется, не знали реальной стоимости своего труда. Они уступали продукцию, зачастую являвшуюся подлинным произведением искусства, за бесценок, обогащая скупщиков, перепродававших ее затем втридорога [43]. Поэтому несмотря на возраставший спрос, доходы индейцев от традиционного ремесла не увеличивались в течение ряда лет.

К 90-м годам прошлого века относятся попытки индейцев использовать естественные ресурсы резерваций, что также свидетельствовало о приспособлении их хозяйства к новым условиям. По официальным оценкам тех лет племена северо-западных штатов владели в совокупности

---

[39] *Castetter E.* Op. cit., p. 77; *Elkin H.* Op. cit., p. 118.

[40] ARCIA. 1898, p. 301, 320; 1913, p. 131; Indian Population in 1910, p. 255.

[41] См.: *Radin R.* An Autobiography of the Winnibago Indian. N. Y., 1963, p. 16.

[42] ARCIA. 1902, p. 401; 1906, p. 375; 1907, p. 15; 1913, p. 131; 1917, p. 109.

[43] Известен факт покупки у навахов одеял по цене 75 центов с последующей перепродажей по 30—40 долл. (ARCIA. 1916, p. 33).

Таблица 3

Лесозаготовки у чиппевов Висконсина *

Резервация	Площадь резерваций (тыс. акров)	Из них аллотировано (%)	Продано леса (млн. куб. футов)	Годовой доход (тыс. долл.)
Рэд Клиф	14,1	100	9,4	86,7
Бэд Ривер	124,3	95,7	26,9	107,2
Лэк Корт Д'Орелль	66,1	80	3,5	7,6
Лэк Дю Фламбо	69,8	77,9	19,8	72,6

* ARCIA. 1898, p. 319—320.

7,85 млн. акров леса, где запасы древесины составляли около 40,7 млрд. куб. футов (1 куб. фут=0,02 куб. м) [44]. Продажа дров, как уже упоминалось, была одним из первых промыслов, связывавших хозяйство резерваций с рынком. Она получила довольно широкое распространение в резервациях Шошон (Вайоминг), Коллвил (Вашингтон), Ворм Спринг (Орегон), Лич Лейк (Миннесота) и др. Как свидетельствовали агенты, этот промысел стал важным источником доходов, на которые «индейцы могли покупать продукты питания в неурожайные годы». Своего пика эта торговля достигла к 1894 г., когда индейцы продали 81,2 тыс. кордов дров. Впоследствии она начала сокращаться и уменьшилась к началу XX столетия в 4 раза, поскольку ее вытеснило более доходное занятие — лесозаготовки [45].

Интенсивное строительство в штатах северо-запада, увеличившее потребность в лесоматериалах, обратило внимание предпринимателей на новый источник древесины — леса, расположенные в индейских резервациях. Лесозаготовительные компании стали все чаще заключать с индейцами контракты на заготовку и доставку спиленных деревьев к местам сплава. Это было достаточно прибыльным занятием (см. табл. 3). Агенты из штатов Висконсин, Вайоминг, Монтана свидетельствовали: «Они довольно скоро поняли, что продавать лес выгоднее, чем заниматься каким-либо другим делом» [46].

Все же несмотря на отдельные успехи в развитии лесозаготовительного промысла, в целом хозяйство резерваций было недостаточно подготовлено к интенсивному вовлечению в систему экономических связей американского общества. Для индейца колебания рыночных цен на древесину, система контрактации, аукционная продажа и другие атрибуты капиталистической экономики были малопонятны. Пользуясь этим, ловкие дельцы часто подкупали лиц, оценивавших древесину, вменяли индейцам в обязанность транспортировку леса после его продажи на аукционе, наживались на сортности древесины и т. п. Злоупотребления были столь значительны, что Коллегия уполномоченных по делам индейцев неоднократно обращалась к Конгрессу с просьбами о наведении порядка в этой области [47]. Начиная с 90-х гг., федеральные и местные органы власти приняли ряд мер, которые должны были регламентировать лесоразработки в резервациях. Но эти меры, проводимые в духе закона Дауэса, не столько ограничивали произвол лесозаготовительных компаний и охраняли ресурсы индейских земель, сколько стимулировали раздел лесных угодий того или иного племени на отдельные участки, обязывая компании заключать контракты только с владельцами аллотов [48].

Последствия развития лесозаготовительного промысла оказались решающими для индейского хозяйства северо-запада. Прежде всего, как явствует из табл. 3, в районе лесозаготовок практически исчезли племен-

[44] ARCIA. 1913, p. 194.
[45] Ibid., 1894, p. 599; 1898, p. 259, 297, 322; 1902, p. 667; 1906, p. 245.
[46] Ibid., 1913, p. 194.
[47] BIC. Annual Report, 1916, p. 366—370.
[48] U. S. Statutes at Large, v. 26, p. 1095; v. 31, p. 660; v. 35, p. 51.

ные земли. Вместо них появились индивидуальные владения, хозяева которых вели «бизнес» на свой страх и риск. Другой стороной адаптации индейского хозяйства к потребностям капиталистического рынка стало исчезновение в этих регионах земледелия. К концу XIX в. от него практически полностью отказались чиппевы, меномины, племена Орегона. Как доносили агенты соответствующих штатов, «очень трудно было убедить их (индейцев.— *В. С.*) заняться чем-либо, кроме лесозаготовок... Даже овощи индейцы стали покупать в окрестных лавках, ибо маленькие огороды, которые еще сохранились у части семей, давали слишком скудный урожай»[49]. А между тем запасы леса резерваций, хищнически разрабатывавшиеся компаниями, были не беспредельны. С. Покейген, индеец поттоватоми, посетивший резервации в Мичигане в начале XX в., рассказывал: «Я был потрясен: леса, под сенью которых испокон веков жили свободные предки моих друзей..., оказались сметенными циклоном цивилизации»[50]. Впрочем, лесозаготовительные компании и федеральные органы не интересовало будущее индейских земель и их жителей: территории, принадлежавшие аборигенам, не включались в районы консервации природных ресурсов, намеченной кабинетом президента Т. Рузвельта. Когда в 1906 г. совет резервации чиппевов Грин Бей (Висконсин) обратился к уполномоченному Ф. Льюппу с требованием как-то упорядочить лесозаготовки, чтобы и в будущем у индейцев сохранился этот источник существования, тот ответил: «Бизнес не входит в сферу полномочий правительства; оно никогда не будет предписывать своим избирателям какие-либо правила в этой сфере»[51].

Хотя в отличие от лесозаготовок индейское население не могло само принять участия в разработке полезных ископаемых, открытых в индейских землях, в этой области развивались аналогичные явления. В Огайо, Нью-Йорке и в особенности в Оклахоме, где были разведаны богатые залежи сырья: нефти, газа, угля, асфальта, началась настоящая борьба корпораций за аренду месторождений и концессии на их эксплуатацию, в которой любые средства были хороши. Прекрасным образцом такого рода сделок стало заключенное в 1898 г. соглашение на разработку нефти между компанией «Сенека Ойл» и племенем сенека резервации Аллеганы (Нью-Йорк). Подкупив вождей племени, представители компании затем на закрытом заседании легислатуры штата утвердили соглашение об аренде, согласно которому она обязалась выплатить индейцам единовременно 4 тыс. долл., а впоследствии перечислять им стоимость $^1/_8$ добытой продукции. Однако корпорация впоследствии отказалась сообщать о размерах добычи нефти, и «индейцы, подлинные ее хозяева, так и не увидели принадлежащих им денег»[52].

К 1914 г. масштабы аренды индейских земель и добыча на них полезных ископаемых стали весьма значительными: только в Оклахоме было добыто 2,8 млн. т угля и 56,2 млн. баррелей (1 баррель = =0,16 куб. м) нефти. Всего же индейцы сдали в аренду различным корпорациям с целью разработки ресурсов 921,9 тыс. акров земель, а денежные поступления от этого достигли 2,3 млн. долл.[53]. Причем «даже эти средства индейцы могли бы использовать с большей выгодой, если бы им не приходилось покупать на них продукты питания», поскольку в местах, «где процветала аренда, сельское хозяйство окончательно пришло в упадок»[54]. Таким образом, за весьма скромную компенсацию, у индейских общин оказался изъятым почти миллион акров земель, которые при сельскохозяйственном использовании могли бы значительно лучше кормить население общин.

---

[49] ARCIA. 1898, p. 320.
[50] I Have Spoken, p. 152.
[51] ARCIA. 1906, p. 4.
[52] Ibid., 1898, p. 212—214.
[53] Ibid., 1913, p. 215; 1914, p. 236, 282.
[54] Ibid., 1906, p. 224—229.

Участие индейского населения в капиталистической экономике США

Постепенное проникновение белого населения в соседние с индейскими землями районы, появление городов, строительство железных и шоссейных дорог, разработки месторождений ископаемых, возведение ирригационных сооружений — все это нарушало сложившуюся картину хозяйственной жизни резерваций. Однако вместе с тем развитие экономики западных районов США создавало для индейцев возможность труда по найму. В этой связи интересен документ — донесение агента резервации Пайн Ридж (Южная Дакота), который, как оказалось, был одним из первых официальных лиц, увидевших в труде по найму выход из нужды: он дал объявление в местной газете о том, «что 500 мужчин оглала-сиу нуждались в какой-либо работе»[55].

Хотя в целом индейское население не имело профессиональной квалификации, «возможность труда вне резерваций для него все же существовала, ибо строительство, землекопные работы, а также труд на ранчо и фермах не требовали особой подготовки». Этому благоприятствовало и отношение официальных лиц, считавших труд по найму «важным средством экономической эмансипации индейцев..., в ходе которой они, работая бок о бок с белыми, приобрели бы такие качества, как предприимчивость и целеустремленность». Для содействия регулированию найма индейцев на работу с 1905 г. при Индиэн оффис стало функционировать бюро по найму[56].

Было ли индейское население готово покинуть резервации и включиться в рынок труда? В начале XX в.— вряд ли. Как свидетельствовал Р. Туклэни — житель резервации апачей Форт Стилл (Оклахома), уход из резервации представлял для индейцев большую трудность. «Когда мы покидаем наши земли..., нам говорят: наш образ жизни плох, мысли никуда не годятся, знания неверны. Чтобы выбраться из этой беды, мы должны принять образ жизни белых..., но нам он мало понятен и чужд»[57]. И индейцы в общем-то смотрели на уход из резервации лишь как на временную меру, порожденную нуждой, а не как на разрыв со своим племенем и кардинальную перемену жизни. «Привязанность индейцев к очагу столь сильна,— сообщал уполномоченный Ф. Льюпп,— что они всегда предпочитали самую низкооплачиваемую работу рядом с резервацией... поискам счастья где-либо на стороне». Но упадок сельского хозяйства индейцев привел к тому, что число лиц, более или менее длительное время работавших вне резерваций, постоянно увеличивалось. И работа по найму к началу войны стала заметной чертой хозяйственной жизни индейского населения: если в 1900 г. вне резерваций трудилось всего 2,9 тыс. чел., то к 1915 г. их число увеличилось почти в 9 раз, достигнув 25,3 тыс., что составляло около 30% самодеятельного индейского населения[58].

Индейцы были заняты главным образом на неквалифицированных и малооплачиваемых работах. Так, навахи, зуни и хопи рыли каналы и возводили дамбы в штатах Аризона, Колорадо и Нью-Мексико; мохавы резервации Колорадо-ривер строили железнодорожную линию компании Санта-Фе; юма и кокопоу нанимались матросами на пароходы, другие устраивались пастухами на ранчо, рассыльными в магазины и т. п.[59]. 13-я перепись населения США 1910 г., впервые включившая особый раздел, посвященный индейскому населению (к сожалению, излишне схематизированный), дает представление о труде индейского населения вне резерваций (см. табл. 4).

---

[55] ARCIA. 1906, p. 12, 172—173; 1911, p. 220.

[56] Congressional Record. 49 Congr., 2 sess., v. 18, pt 1, p. 190; ARCIA, 1906, p. 11; 1907, p. 13—15; 1911, p. 6—7.

[57] I Have Spoken, p. 157.

[58] ARCIA. 1906, p. 7; 1917, p. 130.

[59] ARCIA. 1906, p. 14—16; 1907, p. 12; 1911, p. 13; *Castetter E.* Op. cit., p. 83.

Таблица 4

Распределение работающих по найму индейцев по основным секторам экономики *

Отрасль хозяйства	В ней занято (чел.)	Процент от трудоспособного индейского населения
Добыча ископаемых	563	0,8
Промышленное производство **	11 960	16,2
Транспорт	1 930	2,6
Торговля	1 385	1,9
Сфера обслуживания (домашняя прислуга)	4 609	6,2
Прочие непроизводственные отрасли ***	1 399	3,2
Всего	21 846	30,9

* Indian population in 1910, p. 250—256.
** Имеются в виду занятые в нетрадиционных ремеслах — кузнецы, плотники, шорники, портные т. п.
*** Церковная прислуга, фельдшеры, фотографы и т. п.

Фактически свыше 20 тыс. индейцев, занятых длительное время в различных отраслях хозяйства, стали, по мнению официальных лиц, «постоянным экономическим фактором в районе бывшей подвижной границы» [60].

Не следует, однако, думать, что вовлечение индейского населения в сферу наемного труда могло полностью решить проблему его жизнеобеспечения. Прежде всего, вопреки растущему спросу на рабочую силу в осваиваемых западных штатах индейцы часто не могли получить работу, ибо здесь «разделяли бытовавшую в районе бывшей индейской границы точку зрения о нежелательности соседства краснокожих, мешавших прогрессу американской нации» [61]. Если же индейцам удавалось устроиться куда-либо, они подвергались жестокой эксплуатации. Рабочий день их составлял официально 10—11 часов, но под предлогом того, что коренные жители якобы не желали ритмично трудиться в течение дня и не выполняли задания полностью, «широко практиковалось произвольное увеличение времени работы». Оплата была мизерной: землекопы на строительстве получали 1,5 долл. в день, пастухи — 1 долл.; за стрижку одной овцы платили 6—7 центов. В целом среднегодовая зарплата индейца, трудившегося, как правило, сезонно и временно, составляла около 91 долл.[62]. А так как лишь около $^1/_3$ индейского населения, работавшего по найму, владело в достаточной степени английским языком, имел место и прямой обман при выплате заработанных денег, чем особенно «прославилась» железнодорожная компания Санта-Фе [63]. Впрочем, индейцам, попавшим в непривычную обстановку, не удавалось, как правило, сохранить свою нищенскую зарплату. «Они были плохими счетоводами, полагая, что 1 долл. в кармане лучше трех в банке, и тратили зарплату на покупку бесполезных вещей»,— рассказывал один из очевидцев работы и жизни индейцев омаха на рытье ирригационного канала в Небраске [64]. Наконец, экономический кризис 1913 г., затронувший более всего штаты запада и тихоокеанского побережья, лишил работы более 3 тыс. индейцев [65].

Таким образом, экономическое развитие страны на рубеже XIX—XX вв. и политика правящих кругов объективно способствовали нарушению обособленности хозяйства индейцев США, постепенно вовлекая резервации и их обитателей в общеамериканскую систему экономиче-

[60] ARCIA. 1906, p. 16.
[61] Congressional Record. 69 Congr., 3 sess., v. 49, pt 4, p. 3908.
[62] ARCIA. 1902, p. 10; 1907, p. 7; 1917, p. 130.
[63] Indian Population in 1910, p. 212; BIC. Annual report, 1916, p. 358.
[64] ARCIA. 1917, p. 358.
[65] Ibid., 1914, p. 236, 287, 292; 1917, p. 3—5, 130.

ских связей. Вместе с тем адаптация резервационного хозяйства к изменившимся условиям усугубила упадок основной отрасли экономики — сельского хозяйства и, лишив индейское население возможности жизнеобеспечения за счет своей земельной базы, обусловила превращение резерваций в источник дешевых природных и людских ресурсов, прочно закрепив за аборигенами нижнюю ступень в социальной иерархии США.

В. С. Шинкаренко, В. В. Наумкин,
Г. Л. Хить, А. А. Зубов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА о. СОКОТРА

В соответствии с соглашением, подписанным между Академией Наук СССР и Йеменским центром культурных исследований Народной Демократической Республики Йемен в 1983 г. приступила к работе Советско-Йеменская комплексная научная экспедиция. Один из отрядов экспедиции в составе В. В. Наумкина (начальник отряда, Ин-т востоковедения АН СССР), В. С. Шинкаренко (Ин-т общей патологии АМН СССР) и двух стажеров из НДРЙ в феврале — апреле 1983 г. работал на о. Сокотра. Функции были распределены следующим образом: В. В. Наумкин — организационная работа, исторические, этнографические и лингвистические исследования, В. С. Шинкаренко — антропологические и медицинские исследования, антрополого-этнографические фото- и киносъемка, оказание врачебной помощи местному населению.

Перед отрядом на ближайшие пять лет поставлен ряд важных задач, связанных с выяснением генезиса населения Южного Йемена, составлением этнографического и антропологического атласов районов Хадрамаута, Махры и Сокотры (первый из них представляет одну из главных областей складывания южноаравийской цивилизации, два других — области расселения отличающихся от большей части населения Йемена этносов), описанием малоизученных бесписьменных языков махри и сокотри, а также разговорных диалектов Хадрамаута и т. п. Таким образом, все собранные на Сокотре материалы будут в дальнейшем сопоставлены с аналогичными материалами по Махре и Хадрамауту, а антропологические данные — также и с материалами обследования, которое намечено провести в столице НДРЙ — г. Адене.

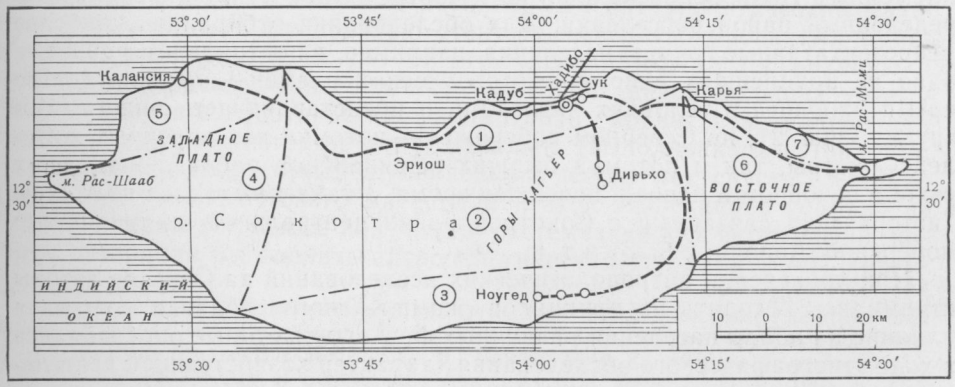

Рис. 1. Остров Сокотра. Штриховой линией показан маршрут отряда, пунктирно-штриховой — условные границы районов. Районы: *1* — Северное побережье; *2* — Центральный район (горный массив Хагьер); *3* — Южное побережье (район Ноугед); *4* — Западный район (горы); *5* — Западный район (побережье); *6* — Восточный район (горы); *7* — Восточный район (побережье)